

И поутру кричат грачи
И спят охотники в ночи

И поутру горят костры
В окне забывшейся сестры
В душе забывшийся мирок
Раздула осень поперек

И поутру звенят ручки
И пробиваются нищьи
Грибы ссутулив плечи
Под градом лесной картечи

/ II.1967 /

х х х

← Не читать!

водка бульк
консервы тресь !
трамвай бряк
метро бух
в автобусе все форточки
закрыты

страшно жить без карманных
денег

/ 05.1980 /

Ю Л И Я В О З Н Е С Е Н С К А Я

(р.1940)

х х х →

①

Накажи меня строго, Господи! - Без расплаты нельзя
научиться читать в облаках пустоту и истому.
Небо - только дорога, по которой уходят друзья,
Небо - только дорога, по которой уходят из дому.

В облаках я читаю, в этих белых Господних кудрях.
В облаках я читаю - выходит, не встретимся боле.
Накажи меня, Боже, другим разлученным на страх -
человечьему сердцу не вынести этакой боли.

Тишина в вышине и не стукнуло в небе окно,
и никто не ответил. И снова, как в выжжен^ном поле,
я стою на сиротской земле; мне осталось одно:
пережить эту боль в ожидании завтрашней боли.

1975

НАТАЛЬЕ →

2 "Скажи поклоны..."
Бунин →

Когда увидишься, когда отплачешься,
ты обо мне припомни, сделай милость.
Скажи - была в своем небесном платье,
и даже птичья кровь с него отмылась.

Скажи, что расставаясь не заплакала -
еще нельзя, не все дороги пройдены.-
И расскажи, как новыми заплатами
я расшиваю ветхий саван Родины.

Скажи ему, что я велела кланяться
и вот еще о чем сказать просила:
в своей стране я и сейчас изг^нанница,
но что же будет там, где не Россия.

3 БЕССОННИЦА →

Рыдали буксиры у болью сведенных мостов.
Стучались в железную дверь сумасшедшего дома.
Сушились знамена у старых потухших костров,
и дачи сдавались в зеленых предместьях Содома.

Стыл невиский мазут, а в Фонтанке сиял керосин.
Но щедрые звезды равно улыбались обоим.
А в маленькой комнатке дождик грибной моросил
и нежная плесень доверчиво жалась к обоям.

У старой русалки аквариум все же протек,
и в адресной книге на память ее засушили.
Кусты подрезали. Пускались они наутек.
Но утром их снова на старое место пришили.

Но вот рассветает. Восходит спасательный круг.
Проснулись соседи. Будильник ↑ = ↑ кузнечик стрекочет.
Я вам оставляю подробную запись, мой друг,
всего лишь одной, проведенной в бессоннице ночи.

х х х →

(14)
Ночная бабочка придет из темноты,
китайским веером помашет надо мною,
и я усну, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей женою.

Велишь мне платье длинное надеть
и в руки взять цветы и в новом доме,
где половицы, словно мед и медь,
пройтись по комнате, чтоб ты меня запомнил.

Ты сядешь рисовать мои цветы,
а я напротив с книжкой устроюсь
и задремлю, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей сестрою.

И нам с тобою в новом этом сне
плеснет в глаза цветок неотвратимый,
и наша кровь на каменной стене
смешается, как в чаше побратимов.

Я Божий гром услышу с высоты
и выпущу плечо родного брата,
и упаду, и мне приснишься ты
и назовешь меня своей утратой.

Ты мне глаза закроешь и лицо
и на руках снесешь меня обратно,
и разомкнется рук твоих кольцо -
ни мужа, ни любимого, ни брата.

Тень бабочки умрет на потолке,
отравленная насмерть желтым светом,
и я усну с душой налегке
на полчаса, без снов, перед рассветом.

А Н Р И В О Л О Х О Н С К И Й
(р. 1936)

из цикла "Девятый ренессанс"

МАРСИЙ

Искусство мех содрало со слуги.
Слуга без меха. Ни на что не годен
Искусству мех, - испорчен - так что вроде
Хранить вино иль сделать сапоги
Бессмысленно: сквозь рвань в большие дыры
Сбежит вино и дождь зальет башмак.
обочь тропы лишь только сделай шаг -
Воротится нога и хлопнув молвит: Сыро.
Итак Искусства тщания смешны -
Ни обуви не будет, ни мошны.

Теперь к слуге. Для сладости урока
Посмотрим на слугу. Вот там один такой
На дереве под солнцем невысоким
Подъят на ствол без веток и суков.
К костям груди брада смешная липнет,
Не шевельнуть и не разъять уста,

В остатках шкуры молча блохи гибнут,
И мух кругом летает много стай.
Они жужжат, то сядут плотной кучей,
То вновь взлетят рассеянною тучей,
Червей своих кладут в кровавый хлам
И воют гимн и флейтам и мехам,
Снуют повсюду клейкие как рифмы,
А в лужах лают синенькие нимфы.

← 1966 →

МОНУМЕНТ →

Я монумент себе воздвиг не из цемента
И больше он и дольше простоят
Цемент как материал не стоит комплемента
Песка в нем сто процентов состоит.

Подверженный злодействию мороза
Выветриванью, порче всяких вод:
Кислот, дождей, растворов купороса
Он сыплется и долго не живет.

Иных мой дух мечтает помещений
Ему ничто бетонный обелиск
Зато средь гряд восторженных речений
Его ростки прекрасно привились.

В пространстве слов отыскивает доски
Мой вечный гроб, мой памятник, мой храм
И лишь из них - отнюдь не из известки
Я мощный дом навек себе создам.

И к дивному строенью не из гипса
Придут народы зреть на конуру
Араб, мечтательный пигмей с огромной клипсой
И даже те что рядом с кенгуру.

Чем с пирамид с меня поболее толку
Усмотрит некогда воскресший фараон
Затем что в этот век чугунный смардный блеклый
Я был трубаач воитель и препон.

И в час когда исчезнет все на свете
Сквозь мразь смолы, сквозь щебень кирпича
Вдруг заблестят играя строфы эти
Как Феникс дикий плача и крича.

< 1967 >

РАЗМЫШЛЕНИЕ →

В картину мира всякий раз
Мы напрасно вписываем Духа
Сверкнет с неба звездный глаз
Порхает маленькое ухо...

Но милый мой к чему же странность -
Души означенной как данность
Тревожный сон боготворить?
За давностию дел Творец устав творить
Удел стареть переложил искусству
Устав его стал ныне так высок
Что даже в основании песок
Мы только тыквы сумеречный сок
Дерзаем предложить надтреснутому чувству
Чтоб горечь невозможную пия
Пыхтела Ева и шипел Змия.

< 1967 >

← СУРОВОЕ И МУДРОЕ НАПОМИНАНИЕ

От появленья до могилы
Все великие явленья
Суть дела рабочей силы
И крестьянские деянья.

Если куполом украшен
Замечательный домишко
Если формулами страшен
Математика умишко

Если кот сидит в мешке
На корявом ремешке
Знай, что это чей-то труд
Уложил пушистый груз

Он воздвигнул эту башню
И вдавил в ученый мозг
Через зад посредством розг
Взборонил чужую башню

Распахал чужой погост
Но не слушая припева
Жил художник в отдаленьи
Жил поэт на перекрестке

Жил писатель в сновиденьи
А народ страдал и плакал
Лучшей жизни он не чаял
И тогда сказал Некрасов

Гоголю за чашкой чая:
" Чем бунтовать на площадях
Не лучше ль нам стоять на клумбах
Городовой на лошадях
Страшней, чем дворники на тумбах
Но я крестьянина люблю
Царя стихом я покороблю
Я о крестьянине скорблю
И подарю ему оглоблю.

Ты можешь ~~д~~ лошадью не быть,
Но долг гражданский заплатить
Так пей, друг Гоголь, за меня!"
И умер раком печени,^{х)}

^{х)} то есть от рака печени. — Вольность.
(Прим. автора).

И пусть примеров прежний вкус
Напомнит новому искусству,
Что сенокос, где я пасусь,
Не должен быть чрезмерно узким.

Пускай народ артисту скажет:
"Где сущность я, лишь форма ты"
И для примера простоты
К хвосту пословицу привяжет:
Народу вовсе не нужна
Плохая басня от слона.
Поэт, кряхтя, пускай поступит
Туда, где благороден труд,
Художник если нравом крут
Яйцом барахтается в ступе
Писатель пишет. Математик -
Развесит шарик на канатик
Для деток нежную забаву
Или машину для гаданья
Исхода полного собранья
И так, ступая величаво,
Придут великие творцы,
В руке сжимая огурцы.

←1967 →

СОНЕТЫ О ЧАЙНИКАХ

1. ЧАЙНИК - ЧАЮ

Торжественный сосуд для аромата
Я, Чайник, - храм, ты Чай в нутре моем
Во мраке сферы паром напоен
Рождаешься с фонтаном цвета злата.

Взлетишь, журча, так словно мы поем
Наполнишь чаши влагой горьковатой
И вот уже пуста моя палата
И хладен мой сферический объем.

Чтобы менять свой ежегодный мех
К чему эфирный звук твоих помех
Баранам этих суток волчьих стай?
Алешенька, ну, будет, перестань,
Бежит олень, полярный эскимос,
Тебе затылок кажется Канин Нос,
Зачем же Салехард не Гибралтар,
Гляди - любая тварь спешит на юг
Дают ей это или не дают
Бежит на юг тетерка и дрофа
Бежит на юг полярная сова
Бежит на юг обрезанный енот
Вдруг оценив на вес свой древний род
И даже тот кто более чем финн
Туда влачит судьбы своей графин
Все реки на которых я плыву
Туда направят влаг своих халву
Магнитный шприц освободив компас
Теперь свободно смотрит на Кавказ
И сам Кавказ добыв подобья ног
К ним смазанные лыжи приберег.

Ах, эти лыжи... Неужели снег
Тебе милее наших луж и нег
Березы тополиного ствола?
Тебя любая из столиц могла
Держать как сердце бубенцом звеня
А ты внезапно не спросясь меня
Не сверясь даже с направленьем карт...
О ужас - в эту область юрт и нарт
Где в соль морей губу макает Обь
И свежий лед ее целует в лоб.

Вернись, я вновь и вновь молю, вернись
И отвернись от северных зарниц
Мир одноглаз без одного из нас
Верни же нам хотя бы пару глаз

←

Чтоб я от вологодских островов

"Алеша жду тебя и будь здоров"

сказать мог искренне.

Целую твой Анри.

Весна 1973

Стихотворение обращено к А. Хвостенко,
другу и соавтору Волоконского (привед.)

!

не представляю
и не могу по
считать
(быть
сравнение)

КАЛЮБА ДРУГУ,
КОТОРЫЙ ДАВНО НЕ ПИСАЛ

В пустыне селезнем порожней
В траве кузнечиком пустой
В без творога ватрушке ложной
В душе раздумьями несложной
В душе простой и нетревожной
Любовь - единственный устой.
Она единственное благо,
Она - осмысленная влага,
Она - для нашей жизни редкость,
Пойми, чему ты ей обязан,
Она есть средство вспомнить местность,
С которой ты был прежде связан
Тревогой трепетного детства.
Внутри у каждого есть кузов,
Воспоминаясь небогатый,
Спешу туда - он твой вожатый
Куда вагоном без прицепа
Спешушь верблюдом но без груза
Одолевая взглядом узость
Секлом для глаз, различных цветом,
Любовь как шторм, но он не крепок.
Так пусть взаимности напиток
Хотя б размерами с наперсток
Вольется в чан с настоем репы
Примером скудной продрозверстки
И на березовом пеньке
Взойдут красивые подростки

Каждый в шляпе и в венке.

В пустыне селезнем порожней
Один обычай есть английский:
Чтоб поселенца не тревожить,
Ему не отправляют писем,
Ему не отравляют душу
Фальшивым кексом безвизюмным,
Чтоб он свои лишь песни слушал
Над миром одиноко высясь,
Над миром духом независим
И был одним лишь предан думам -
Таков обычай благородный
В пустыне селезнем порожней.
Ведь это, право, по-ирландски:
Линкор любви по волнам пляски
Пусть бороздит чужие мели,
Чужой комар на ланцыш ласки
Летит, трубя про эту прелесть,
Звенит летя на эту крепость,
Как вестник, грустный и крылатый
В пустыне уткой небогатой.
В пустыне криканьем несёт,
В пустыне лебедем неполной,
В пустыне аисту негодной
С отверстой раной и открытой
Лежу, открытый пыльным волнам,
Где ветерок гуляет южный.
В пустыне журавлю ненужной
Лежу. В руках последний свиток,
Моей любви несчастный слиток
Моей души прекрасный сверток
Хоть он размерами с наперсток
И жду пока он будет сверстан.

И путешественник! По верстам
Когда ты мерешь караваном
Межгробовые промежутки
Склонись душой к причуде странной

И мыслью околдован жуткой
Нагнись к моей могиле узкой,
Вонзи в нее перо из гуся,
Из замечательного гуся,
Столь чуждого пустынным Фавнам.

ПЕЧАЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ

Ворон к ворону.] →
А. Пушкин →

Криво, криво, загибаясь, боком, боком
Луч гуляет по пространствам кособоким.

Ходят звезды по пространственному клеву,
Спектр бабочкой летает влево, влево.

По пустотам, по канавам, по откосам
Время парус надувает косо, косо.

Пухнет, пухнет дорогой пузырь небесный.
Видно звездам что-то тесно, что-то тесно.

Но пытят, пытят мыслительные поршни.
Подставляйте только руки и пригоршни.

Ливень, ливень хлещет прямо в руки, в руки
От щедрот Ея Величества Науки.

Только время на дорогах косооко,
Да полякальшет рьяная осока.

С Л О Н →

Среди холмов телесен и двуглав
Уж зримый слон растит себя из трав
Как некий холм который скрыт травой
Воздевши влажный клык над головою
Подъяв над головой костлявый клык
Среди холмов телесен и двулик.

Четыре человека ног его
Шестнадцать штук копыт - державный обод
Шестнадцать раковин - а держат одного
Четыре истукана у него
Два идола подьемлют главный хобот
Из лба из-подо лба растущих рук
С дыркой длинной вдоль до переносья
Где локоть сломленный как сук как будто сук
Жрет жрет и жрет колосья и колосья.

Там шкуры бездыханные мехи
Смыкают веко над отдельным глазом
И колыхают хмурый балдахин
И труп нутра объемлют влажным мясом -

Порода брэнная, от ветхих чудищ вервь
Неимоверный вывернутый червь
Червь внутренний огромный непомерный
Стоит среди холмов покрытый скверной.

СВЕТЛАНА ВОСТОКОВА

(р. 1937)

х х х →

С веточкой зеленой, босиком,
задыхаясь, улыбаясь, плача,
пробегаешь по песку горячему,
замедляя шаг, стыдясь, тайком,
мимо той, у опустевшей дачи,
что стоит с неузнанным лицом,
в мрамор платья мрамор тела пряча,
к солнцу обратив глаза незрячие.

Так давно перешагнувшей грань,
что ей стыд твой, радостный и жаркий,
что живых одежд твоих игра -
словно дым прозрачного костра
через кружевные тени парка.

1974 #